

Ingermanlands zum Frieden auf. Dieser Aufruf unter dem erfundenen finnischen Beinamen Narvas (vgl. fi. *rauhan*), der in Anlehnung an die Geheimsprache der Finnen durch Umkehrung der Silben gebildet ist, kann verschieden gedeutet werden. Ist er vielleicht ein Hinweis auf das Tätigkeitsfeld des Pastors von Hevaa mit seiner einen merkwürdigen «Dialekt» sprechenden Bevölkerung?

Zum Schluß wollen wir nicht verges-

sen, daß durch die Forschungen Martin Fogels über das Finnische wissenschaftliche Informationen nach Italien vermittelt wurden. Die ausgezeichnete Edition der Aufzeichnungen des Hamburger Gelehrten zusammen mit dem inhaltsreichen Kommentar von C. Wis gibt dem Leser neue Möglichkeiten, sich in diese geistige Welt des 17. Jahrhunderts zu vertiefen.

GÜNTER STIPA (Helsinki)

<https://doi.org/10.3176/lu.1984.4.10>

Л. П. Васикова, Сложносочиненные предложения в современном марийском литературном языке в сравнении с другими типами предложения. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1984.

23 апреля 1984 г. на специализированном Совете Д.069.02.02 при Тартуском университете состоялась защита докторской диссертации доцентом Марийского педагогического института Л. П. Васиковой на тему «Сложносочиненные предложения в современном марийском литературном языке в сравнении с другими типами предложений.» Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аявре, З. М. Дубровина и И. Г. Иванов.

Работа посвящена одной из сложных проблем марийского языкознания — в ней подробно описано сложносочиненное предложение — и представляет собой первое серьезное научное исследование подобного рода. Правда, по этой же теме была защищена кандидатская диссертация (1960), однако проблема в ней решалась на уровне синтаксической науки своего времени. Успехи теоретического синтаксиса в последнее десятилетие, практические потребности вузовского преподавания, составления научной и школьной грамматики марийского языка поставили перед языковедами задачу более глубокого анализа структурно-семантической сущности сложносочиненного предложения в марийском языке, которое имеет целый ряд специфических особенностей. Жизнь настоятельно диктовала решать эту задачу с позиции современной синтаксической науки. Научное решение проблемы взяла на себя автор рассматриваемой работы. Обращение ее к данной теме очень своевременно. Исследователь пользовалась методом синхронного анализа структуры сложносочи-

ненных предложений, функционирующих в современном марийском литературном языке. Ею устанавливаются модели простых и сложных предложений с различными союзами, выясняется лексическое наполнение их структурных схем, анализируются структурные схемы предложений, составляющих компоненты сложных образований, дается описание функций сочинительных союзов — словом, охвачены в общем все вопросы, связанные с понятием «сложное предложение».

Исследование сложного предложения в работе строится на понимании структурной схемы предложения. Это дало возможность автору глубже вникнуть в сущность его как синтаксической единицы, как единства структурного, смыслового и интонационного. При квалификации сложных предложений разграничиваются формальные и функциональные аспекты их. Автор придерживается точки зрения первенствующей роли аспекта формального, но не обходит при этом также семантическую сторону проблемы. На основе диалектического понимания сложных предложений как единства формы и содержания она классифицирует структурно-семантические разряды марийских сложных предложений и их семантические разновидности.

В своей работе Л. П. Васикова подробно останавливается на теоретических проблемах сложного предложения как единицы синтаксиса, дополняет теорию сложного предложения рядом своих рассуждений, своим пониманием отдельных теоретических положений, созданным на

основе собственных наблюдений над природой сложного предложения марийского языка. Поскольку в научной литературе нет еще единого понимания сути сложного предложения, его всеобъемлющего определения, автор, критически проанализировав различные точки зрения по этому вопросу, построила свою концепцию понятия сложного предложения как «многомерной, многоярусной синтаксической единицы, состоящей из двух (или более) определенных образом соединенных предикативных частей, построенных по той или иной структурной схеме сложного предложения, и представляющей собой структурное, смысловое и интонационное единство» (с. 315). Такое определение более или менее полно отражает суть понятия. Исходя из таких теоретических предпосылок, автор исследования впервые в марийском языкознании поставила и решила ряд проблем или в новой интерпретации представила многие факты и явления.

В работе впервые подробно рассматриваются и последовательно классифицируются структурные модели марийских простых предложений (с. 80—118), впервые с наибольшей полнотой анализируются значения и функции всех структурно-семантических разрядов сложносочиненных предложений (с. 118—130), устанавливаются семантические разновидности сложносочиненных предложений в марийском языке. обстоятельно рассмотрены в новой интерпретации сложносочиненные предложения с т. н. союзной частицей *-ат* (с. 140—173). Этот раздел работы содержит много новых рассуждений, например, о соотношении форм сказуемых, модально-временных планов частей, структурных особенностях предложений с союзной частицей *-ат*. С достаточной полнотой рассмотрены семантические отношения компонентов предложений с этой частицей. Подверглась существенной коррекции проблема разграничения в марийских сложных предложениях отношений паратаксиса и гипотаксиса. Хотя здесь, возможно, не все пришло к безоговорочно, сам факт рассмотрения вопроса в таком плане представляет интерес. Подробно описаны особенности выступления в марийском языке сложносочиненных предложений с соединительным союзом *-да* (с. 173—197). Интересен анализ семантических отношений частей сложных пред-

ложений с данным союзом. В части значений, как об этом правильно отмечено в работе, они синонимичны с предложениями с союзной частицей *-ат* (с. 190—194) как в структурном, так и в интонационном отношении. Предложения с союзом *да* — своеобразное явление синтаксиса марийского языка. Автор обратила на это внимание, выявила эти особенности. Но здесь рассуждение можно было продолжить, в частности, в плане выяснения синтаксических отношений предложений с этим союзом. Например, однотипны ли *да* в предложениях типа *Конюхым обязательно премируеш келеш, да лымлан веле агыл* и *Эчан уке да, тыге толашен коштыда мо?* Однако об этом несколько ниже.

Нам кажется, правильную позицию занимает автор в отношении типологической квалификации предложений с деепричастиями *-меке*, *-мешке*, рассматривая их как структуры $N_{\text{ном}}$. — *Gerund* в составе сложного предложения в качестве компонентов (с. 108—114). Доказательства убедительны. Конструкции с этими деепричастиями в части случаев могут быть «словоформами, конструирующими структурную схему предикативной части сложного предложения» (с. 113).

Новый подход автора к проблемам сложносочиненного предложения и его сущности в марийском языке заключается также в том, что смысловые и синтаксические отношения между частями сложносочиненного предложения рассматриваются не только с точки зрения характера союзов и союзных частиц, как было в прежних исследованиях, но и с точки зрения других связей, а именно: соотношения модально-временных планов компонентов, наличия в них слов определенных лексико-грамматических классов, лексической наполняемости компонентов. Это позволило автору глубже проникнуть в суть отношений между частями сложносочиненного предложения, которые в работе детально проанализированы и на основе этого установлены определенные закономерности, характерные только для марийского сложносочиненного предложения.

Л. П. Васикова оперирует многими ранее не известными марийской синтаксической науке понятиями, например, паратаксис ~ гипотаксис, открытость ~ закрытость структур компонентов сложных предложений, гибкость ~ негибкость струк-

туры, лексическая наполняемость предикативных частей и т. д.

Свои наблюдения и выводы автор строит на анализе примеров, извлеченных из современной марийской художественной литературы, ею обработано и проанализировано огромное количество предложений — более 30 тысяч единиц. Примеры убеждают читателя в объективности выводов. Использованный материал дает основание говорить о полноте отражения современного состояния сочинительной связи в марийских сложных предложениях.

Важный научный интерес представляет приложение, в котором на 14 таблицах представлена частотность употребления сочинительных и подчинительных союзов, сложных предложений и их типов в 14 художественных произведениях марийских писателей. Данные таблиц свидетельствуют о широком употреблении сложных образований в марийском языке, что лишнее раз подтверждает необходимость подробного изучения вопроса. Работа написана с учетом современного состояния изучения синтаксической науки. Автор уверенно полемизирует со своими оппонентами. Поступает правильно, уделяя основное внимание спорным и проблемным вопросам.

Как законченное исследование по проблеме работа знаменует качественно новый этап в научном изучении синтаксиса марийского языка. В ней в основном решены все вопросы, относящиеся к области сложносочиненного предложения марийского языка.

Однако в работе встречаются и уязвимые моменты, требующие более убедительного обоснования. Это прежде всего относится к проблеме характеристики отношения компонентов сложного предложения в семантическом плане. При определении типов сложного предложения автор исходит из примата формальных показателей (с. 133—134), это иногда уводит ее от истины. В марийском языке ряд союзов (и даже союзная частица *-ат*) имеет различную, подчас противоположную семантическую наполняемость, поэтому отношения семантические и интонационные не могут быть отодвинуты на второй план. Такая позиция приводит к тому, что в составе сложносочиненного предложения оказываются разные смысловые отношения, в том числе и отношения гипотаксиса,

хотя последние как правильно утверждается в работе, характерны для сложно-подчиненных предложений (с. 131). В марийском языке формальные показатели в сложных предложениях имеют несколько необычный характер. Например, в предложениях указанного выше типа (*Старший конюхым обязательно премиярши келеш, да лымлан веле агыл* и *Эчан уке да, тыге мыскылен коштыда ма?*) один и тот же на первый взгляд показатель выражает в одном случае отношение паратаксиса, в другом — гипотаксиса, что наглядно иллюстрируется и переводом; второй случай правильно переведен сложносочиненным предложением. Это же выражает интонация, на что также нельзя не обратить внимания. На способности принимать различные значения у формальных показателей можно было остановиться более подробно.

Эта особенность марийского языка в общем-то не ускользнула от внимания автора (с. 191 и далее), но до конца последовательно идея не проводится. Работа значительно выиграла бы, если бы автор более уверенно отстаивала свою точку зрения по этому вопросу. Думается, Л. П. Васикова недостаточно принципиальна и в том случае, когда соглашается с традиционным толкованием постановки знаков препинания в сложных предложениях с союзом *да* со значением гипотаксиса (с. 197). Излишняя осторожность здесь привела к неточности, которая в свою очередь вызвала и другую неточность в выводах по главе — в дихотомии сочинение ~ подчинение противопоставлены в марийском языке не только отмеченные в работе два союза *а то* и *ито* (с. 248), но также и союз *да*, который в значении гипотаксиса как семантически, так и в интонационном отношении почти эквивалентен союзной частицей *-ат*, поэтому, на наш взгляд, можно было и здесь дать более четкую характеристику сущности данного формального показателя марийских сложных образований. Неплохо было бы даже научно обосновать, союзная частица это или, возможно, даже союз? А может быть, наоборот, *да* в значении гипотаксиса союзная частица и ее нужно писать вместе? Вопрос теории.

Неверно раздельное написание союза *а то*, по своей форме и структуре он ни-

чем не отличается от своего собрата по происхождению *ито*.

Встречаются в работе и небольшие неточности. Например, можно ли считать предложения, начинающиеся с союзов *а*, *но*, *туге гынат*, сложными? (с. 281). Где же тогда начало предложения? *гын* называется усилительной частицей, а переводится на русский язык союзом *если* (с. 64); категориально недифференцированное слово *ясы* рассматривается как наречие (с. 143); говорится о восточном варианте марийского литературного языка (с. 320 — нет такого варианта); в некоторых местах встречаются неудачные примеры (например, на с. 176 — *мый декам йолташем толын, да кинош каена; ме пашам пытаренна ыле, да ачам толын пурш*), глаголы первого компонента сложного предложения в приведенных формах в марийском языке не могут быть употреблены.

В сложных предложениях с союзом *да* сказуемые компонентов не могут быть в разных временах, по крайней мере в этих примерах.

Названные замечания мы не относим к разряду имеющих принципиальное значение. Они легко устранимы и общей ценности работы не умаляют. Ее теоретическое значение несомненно, практическое же состоит в том, что она может послужить надежной опорой при составлении научной грамматики марийского языка, станет безусловно важным подспорьем в вузовском и школьном преподавании марийского языка.

Исследование Л. П. Васиковой представляет собой заметный вклад в науку и его можно считать началом нового направления в изучении синтаксиса марийского языка.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)